
АВТОР И. Д.

**ОПЫТ МОЕЙ
ЖИЗНИ**

КНИГА ПЕРВАЯ
ЭМИГРАЦИЯ

Опыт моей жизни

И.Д.

**Опыт моей жизни.
Книга 1. Эмиграция**

«Издательский дом Илоны Давыдовой»

2007

И.Д.

Опыт моей жизни. Книга 1. Эмиграция / И.Д. — «Издательский дом Илоны Давыдовой», 2007 — (Опыт моей жизни)

ISBN 0-9675296-7-0

«...Интересно положить под лупу любую человеческую жизнь и рассмотреть ее по атомам и молекулам. Затем взглянуть на полотно той же жизни с большого расстояния. Ведь жизнь человека, как живое растение: смотришь со стороны – как будто зеленый листок, а под микроскопом... совсем по-другому каждая клетка этого листка открывается...»

ISBN 0-9675296-7-0

© И.Д., 2007
© Издательский дом Илоны
Давыдовой, 2007

Содержание

Алексей Тихонов	5
Предисловие	8
Глава первая. Прибытие в Нью-Йорк	10
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

И.Д. Опыт моей жизни. Книга 1. Эмиграция

Алексей Тихонов Редкое литературное явление

Показательно: наша знаменитая писательница Виктория Токарева редко оценивает современных писателей. Но вот ее отзыв: «Читать это по-настоящему интересно... Книга написана искренне, стремительно. Из нее хлещет энергия таланта...»

И вновь она же:

«И.Д. ничего не скрывает. Она выворачивает душу, как карман, и вытряхивает наружу все, что в нем есть. Это очень русская манера. Я считаю, что искренность – основная ценность романа».

Да что же это за книга? Автора! С автором – сложно. Известно, что это дама. Дама молодая. Знаем, что это известный в России человек. И, наверное, именно поэтому она прячется за не совсем обычным псевдонимом, подписывая свои произведения лишь инициалами – И.Д. Что ж, литература знавала множество различного рода мистификаций и тайн. А не напоминает ли эта новая история случай со стремительным взлетом популярности Б. Акунина? Гадали тоже – кто автор? Оказалось, вполне литературный и известный человек – Григорий Чхартишвили, переводчик, долгое время работавший в журнале «Иностранная литература».

Итак, И.Д. предлагает нам многокнижный роман с несколько, может быть, претенциозным названием «Опыт моей жизни». Да полно, всякий ли жизненный опыт заслуживает того, чтобы облекать его в многотомную эпопею и ею осчастливливать человечество?

Название книги первой сразу же объясняет ее суть – «Эмиграция». Но книга все-таки не об этом. Это – начало.

В чем же заключается опыт человека, так масштабно взявшегося за тему очень непростую? А вот в чем. Пятнадцатилетний подросток, выросший в небольшом советском городке, в 1980 году уезжает с родителями в США. Понятно, что в таком возрасте, еще не обремененном грузом привычек, болезненно реагирующих на любые изменения, легче адаптироваться к смене обстановки. Но обстановка обстановке рознь. Не забудем, что человек оказывается словно на другой планете! Вспомните, чем были СССР и США друг для друга и для всего мира в годы противостояния социализма и капитализма. Из знаменитого тогда лозунга «Два мира – две системы» возьмем первую часть. Это действительно были два совершенно разных мира. Но вспомним еще и подростковую особенность – обостренное восприятие действительности. Тут нам на помощь придет знаменитое произведение Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его герой, юноша Холден Колфилд, глазами которого затем смотрели на мир многие поколения не только американских читателей. Так происходит первая переоценка ценностей.

Но биография И.Д. на этом не заканчивается. Более того, претерпевает головокружительные изменения. В 1989-м, когда советская страна открылась миру, И.Д. возвращается на родину. И в течение буквально нескольких месяцев ее имя входит в десятку самых крупных предпринимателей России!

Но радикально изменилась и сама Россия. Вот вам вторая переоценка ценностей. Из мира капиталистического попасть в постсоветскую страну – столь же серьезное испытание для мировосприятия, как и первый отъезд с родины. А история продолжается. Прожив в России восемь лет, И.Д. вновь покидает ее и возвращается в США.

Согласитесь, даже не будучи профессиональным литератором, человек со столь уникальным опытом уже имеет право на высказывания по теме, заявленной в названии первой книги из задуманных восьми. И теперь уже общее название серии «Опыт моей жизни» отнюдь не воспринимается претенциозным. Более того, в свете прочитанного начинает казаться, что это название даже несколько заужено.

Судите сами. Ведь такое масштабное и сложнейшее явление, как эмиграция, автор исследует не только на основании собственного опыта. Взгляд на проблему претерпевает на протяжении книги разительные перемены, словно перед нашим взором переворачивают подзорную трубу. Тут и всеобъемлющий аналитический подход к осмыслению происходящего, но предлагается и подход на уровне микроскопическом – через судьбы различных людей. И тут уже автор дает волю психологическому подходу, заглядывая в самые потаенные уголки человеческой души, испытывающей столкновения от совершенно нового окружения.

Нет, Америка в изображении И.Д. вовсе не является той сказочной страной абсолютной свободы и райского изобилия, о которой грезили в закрытой советской стране «кухонные диссиденты». Объективности автора веришь не только потому, что книга начисто лишена какого-либо рода украшательства, но и потому, что автор слишком хорошо знает два мира, у него было немало времени для взвешивания всех их плюсов и минусов, и однозначных выводах о преимуществах той или иной стороны на страницах произведения не делается. Автор прежде всего озабочен изображением картины достоверной, а значит, только этим и полезной читателю.

Особенности композиционного построения «Эмиграции» заключаются в постоянном стремлении автора резко, с захватывающей дух крутизной, менять вектор повествования, пронося его через многочисленные коллизии.

Отдельно следует отметить интонацию рассказчика – благодаря невероятному темпераменту автора читатель погружен в целую бурю страстей и эмоций. И в этом мире, на каждой его странице, безумно интересно жить и читать.

И ведь мы пока говорим только о первой книге, об «Эмиграции». Напомним, первой из восьми, задуманных в серии «Опыт моей жизни».

В дальнейшем же читателя ждет повествование «В мире чудес, в стране дураков». Оно посвящено как раз той части жизненного опыта И.Д., который она приобрела на пространстве вновь обретенной родины, вернувшись в Россию в 1989 году. Разумеется, ностальгические годы эмиграции рисовали героине новой книги чересчур светлый образ оставленной отчизны. И теперь ей предстоит пройти через понимание того, что действительно стоящего было в СССР, а что остается лишь плодом вымысла.

События, происходящие «В мире чудес», безусловно исторически более значимы, нежели эмиграция. Ведь мы, и как граждане, и как читатели, оказываемся на развалинах некогда великой советской империи, где с таким трудом, а порой и с отчаянием нарождается новое государство.

В гуще этих событий и оказывается героиня.

Да и в какой еще гуще! Мы уже знаем, что сама И.Д. годы на вновь обретенной родине прожила очень интенсивно, сумев буквально ворваться в ряды тех, кто считался самыми крупными предпринимателями новой России. В Штатах она не могла удержаться и двух месяцев даже на должности простой официантки. И вдруг российский ошеломительный успех, и она оказывается среди финансовой, промышленной и культурной элиты, среди министров и олигархов. Фантастика? Отнюдь нет. За изложенным – мощная фактологическая основа.

Хотя и сама героиня не перестает задаваться вопросом: «Заслужен ли мной такой невероятный успех? Или это я попала в какой-то нереальный мир, где со мной происходят невероятные события? Что происходит? Или я не что иное, как ничего не значащая сама по себе простая марионетка судьбы?»

Итак, перед нами, повторю, уникальный, художественно сконцентрированный опыт постижения мира в самых разных его проявлениях. Опыт, достойный самого пристального внимания со стороны отечественных читателей.

«Литературная газета», № 47 (6047) 16–22 ноября 2005 г.

Познай самого себя – и ты познаешь мир.
Демокрит

Предисловие

«Опыт моей жизни».

Это роман? Или автобиография? Микро- и макросъемка одной человеческой жизни. Неважно, моя это жизнь или чья бы то ни было. Просто человека.

Интересно положить под лупу любую человеческую жизнь и рассмотреть ее по атомам и молекулам. Затем взглянуть на полотно той же жизни с большого расстояния. Ведь жизнь человека, как живое растение: смотришь со стороны – как будто зеленый листок, а под микроскопом... совсем по-другому каждая клетка этого листка открывается.

Роман – как-никак – это вымысел, даже если он во многом основан на реальных событиях. Во многом... но не всецело. А это очень важно, так как в жизни всякая мелочь, каждая деталь, на первый взгляд ничего не значащие, играют огромную роль.

Чтобы создать по-настоящему достоверную картину, нельзя придумывать. Правда жизни – вот в чем реальная ценность. Я пишу роман, но роман документальный. Все факты, события, люди – достоверны. Малейший вымысел нарушит жизненную правду. А именно она – жизненная правда – самое ценное в моем романе.

От начала и до конца, сколько мне удастся держать фонарь и лупу, освещать и рассматривать под увеличением все движения, все процессы роста и видоизменения, происходящие со мной в течение данной мне одной жизни. Здесь и психология, и физиология, и влияние окружающей среды, и возрастные изменения... в постоянной динамике: ведь в реальной жизни все это вступает во взаимосвязь, все – важно.

При современном бурном темпе жизни все меньше остается времени и возможности развлекать себя чтением художественной литературы, которая как-никак есть продукт авторской фантазии. Читатель XXI века чересчур практичен, чтобы просто развлекаться, и «сам с усами», чтобы позволять себя воспитывать. Наступили времена, когда даже художественная литература не может оставаться на уровне интересной, увлекательной, иногда исподволь воспитывающей тебя сказки.

Практическая польза, применимая в реальной жизни, – вот основной мотив современного читателя, протягивающего руку к книге как к источнику информации.

Для тех, кого природа одарила пытливым умом, этот документ человеческой жизни может оказаться ценным учебником. Читатель получает уникальную возможность: «прожить» целую жизнь за две-три недели, проанализировать ее и приобрести неоценимый опыт.

P. S. Поскольку речь в этой книге идет о реальных людях и реальных событиях и многие из тех, о ком пойдет речь (в этом и последующих томах), живы и сегодня, а имена некоторых, включая имя автора, широко известны в России, во избежание нарушения конфиденциальности, все имена изменены, а автор ограничится лишь инициалами –

И. Д.

* * *

Я пришла в этот мир для того, чтобы оставить после себя какой-то след...

Жизнь человека – скоропортящийся продукт. Уходя, я должна оставить что-то такое, что смогло бы оправдать мою смерть. Иначе, какой смысл в этой жизни?

Когда-нибудь я умру. Ничего против этого придумать невозможно. Нужно принимать это спокойно и философски. Но пока я жива, я должна создать в течение своей жизни что-то

такое значимое, светлое, красивое, что останется после моей смерти, никогда не умрет. Тогда моя смерть уже не будет иметь значения.

Продукт моего труда – след моей жизни – останется и будет согревать многие поколения живущих на этой Земле. Мои работы будут влиять на человеческие жизни (так же, как мои любимые писатели повлияли на мое становление, на мою жизнь). Я останусь жить в сердцах людей (так же как мой Толстой живет в моем сердце). Я буду неотъемлемой частью их жизни (так же как Пушкин или Окуджава – неотъемлемая часть нашей жизни). Значит, я не умру.

Если мне удастся создать что-либо, что не умрет с моей смертью, а, оставшись после меня, будет зажигать в людях искры любви, – значит, я не даром жила. Значит, жизнь моя имела смысл.

Надо торопиться, пока смерть еще не пришла! Это неважно, что мне пока только 14 лет. Ведь неизвестно, сколько мне осталось жить. Лермонтов умер в 26 лет, Пушкин – в 37, Толстой – в 82. Кто знает, сколько отпущено мне? Нужно быть готовой в любой момент. Нужно торопиться! Нужно помнить всякую минуту, зачем я здесь. Я здесь – гость. Но у меня есть миссия.

Из записей в дневнике 1979 г.

Глава первая. Прибытие в Нью-Йорк 1980 г., август – ноябрь

Я начинаю этот дневник в первый день в новой стране. Более значимого дня в моей жизни, наверное, не будет. Сегодня мы приехали в США.

1980-й год. Мне пятнадцать с половиной лет. Я сплю в откидном авиакресле, и меня будит мама:

– Просыпайся, просыпайся, мы уже в Нью-Йорке!

Я вскакиваю, вмиг пробудившись, как от ледяной воды. Восторг, растерянность, страх, любопытство – все эти чувства одновременно переполняют меня. Я выглядываю в иллюминатор, и ладони мои холодеют.

Такой панорамы я не только никогда не видела, но воображение мое даже не смогло бы нарисовать. Я никогда не видела *такого* (!) большого пространства. Таких огней! Гирлянды, фейерверки, фонтаны огней! Какой гигантский город! Как мощно, как величаво он сияет!

Эмигранты все прилипли к иллюминаторам. Кто знает, какие чувства испытывали они в эти первые минуты встречи с новой землей, со своей новой родиной. Кто-то плакал, кто-то молча смотрел на таинственно сияющий внизу могущественный город. Все, кто находился в этом самолете, навсегда бросили свои дома, родных, друзей, работу, карьеру, институты, родные места, свою родину, свою культуру – словом, все, что составляло их жизнь, при этом не имея никаких гарантий, ни даже малейшего понятия о том, что ожидает их в новой стране.

В этой стране, в этом городе еще никто из нас никогда не бывал. Более того, ни один из тех, кого мы знали, здесь тоже никогда не был. Те, кто уехал в Америку раньше нас, словно канули в воду – их никто никогда больше не видел. Как доверчивые дети, мы все теперь – впервые – могли взглянуть на этот величавый город, и всем нам хотелось верить, что он, этот город, будет великодушен к нам.

Главные люди моей жизни в эти торжественные минуты находились рядом со мной. Моя любимая, нежная мама (она сидит рядом и глотает слезы), ей 39 лет. Дед с бабой: на их торжественных вытянутых лицах написана готовность следовать за любимым сыном и внуками повсюду. «Ад там внизу сияет или рай, для нас не имеет значения. Если нашим детям здесь будет хорошо, значит, хорошо и нам», – словно написано на их лицах. Деду 69 лет, бабушка на пять лет моложе. Здесь же сидит их младшая внучка, моя сестра Танечка, ей ровно семь лет. Она веселится, визжит, то и дело переползая с колен бабушки к деду и наоборот. Она единственная, кто по-настоящему радуется, потому что совершенно не понимает всей ответственности момента. Все остальные бледны и волнуются. В этом волнении страха гораздо больше, чем радости.

«Мы узе плиекали?! Это Нью-Йолк?!» – радостно кричит Танечка, сверкая своими черными глазенками. Ей никто не отвечает, все подавлены совершающимся событием. Поздно уже сомневаться, поздно думать-гадать, что теперь с нами будет, мы все уже на пороге другого мира. Дороги назад нет.

А вот и папа, виновник происходящего, вырвавший всех нас с корнем из старой жизни. Это он – инициатор всего. Никто, кроме него, ехать не хотел. Одержимый своим маниакальным желанием, он принудил всех нас. Ну, да ладно... что теперь об этом. Папа (самый спокойный, флегматичный человек на свете) находится в таком возбужденном состоянии, в каком я его никогда в жизни не видела. Этот знаменательный день он встречает в возрасте 48-ми лет. Он то поднимается с места, то садится, несмотря на то что стюардесса несколько раз просила его сесть и пристегнуть ремни. В невероятном волнении он всматривается в вид из иллюминатора и отворачивается, будто не в силах выдержать такой радости, не веря себе. Он поминутно

вскакивает, не потому что он невоспитан и игнорирует просьбы стюардессы, а просто, помимо своей воли, не может усидеть на месте.

Мне пятнадцать с половиной лет. Неужели это в самом деле происходит? Я увижу Америку! Никто из моих друзей, одноклассников, никогда не видел этой страны, ни один из моих учителей даже одним глазком ее не видел. Каждый, любой из них, наверное, мне бы позавидовал. Я увижу Америку! Это произойдет всего через несколько минут. Я узнаю, какая же она на самом деле, страна, о которой столько говорят. С безграничной доверчивостью, присущей человеку, которому поздно уже сомневаться, вместе с самыми дорогими мне людьми я ступлю на американскую землю. «Я увижу город дальний! Он мне будет другом верным. Да!..»¹

Вот что-то как будто мощно вздрогнуло под нами, и с оглушительным грохотом покатились колеса по американской земле. Взрыв аплодисментов заглушил грохот посадки. Я никогда не смогу забыть лица людей, окружавших меня в эти минуты. Смех. Слезы. Все, кто сидел рядом, даже совсем чужие, почти незнакомые люди, обнимались и целовались. Кричали, как на демонстрации, перебивая друг друга:

- Да здравствует Америка! Наша новая родина!
- Да здравствует свобода!
- Да здравствует новая жизнь!

* * *

Я начала свой рассказ именно с этого ключевого дня в своей жизни не случайно. Если рассматривать мою жизнь как один целостный сосуд, то, внимательно присмотревшись, можно увидеть большую трещину, расколовшую сосуд на две части. Искусно соединенные вместе, две части выглядят как единое целое, но я-то знаю (ведь это моя жизнь): сосуд расколот на две части. Трещина моей жизни проходит через тот самый день, с которого я начала свою повесть.

Вообще я родилась дважды. В первый раз – в 1965 году в Нальчике, в Кабардино-Балкарии. Еще важнее: я родилась в Советском Союзе. Этот факт имеет огромное значение, если вы хотите понять меня. Советский Союз – это фундамент меня. Хочу я этого или нет, нравится это кому-то или нет, – есть вещи, предопределенные судьбой, от тебя не зависящие. Гены, унаследованные от предков, и печать, которую оставляет на тебе страна, где ты родился и вырос, – это то, что дано тебе судьбой, ты здесь не выбираешь. И это с тобой столько, сколько ты будешь жить.

Второй раз, как вы уже, наверное, поняли, я родилась 28 августа 1980 года, в день нашего прибытия в США. Любопытные происходят с человеком процессы, когда он еще не умер, но уже удостоился радости снова родиться. Это уникальный опыт. О нем я могу очень много рассказать. Пока я еще чуточку задержусь на первых минутах и днях в США.

* * *

Оформление документов в аэропорту для свежеприбывших «беженцев» заняло столько времени, что, когда мы закончили, уже рассвело. Я думала попрощаться с нашими советскими попутчиками, кое с кем обменяться адресами родственников, если таковые были (ни у одного из нас не было пока ни адреса, ни телефона, конечно). Однако все, вероятно, настолько распухли, оформляя документы, что забыли попрощаться друг с другом и растворились, как брызги, в огромном аэропорту. Так никого и не нашла.

¹ Слова из старинного романа.

Бедная тетя Хиба всю ночь прождала нас в зале прилета. Мне не терпелось увидеть ее. Она выехала за рубеж вместе со своей семьей много лет назад. Я смутно, но помнила ее. С тех пор, как они уехали, никто ни разу не видел их. Только читали их редкие письма. Мне любопытно было увидеть, как жизнь в Америке изменила этих людей. Как они теперь одеваются? На каком языке говорят? Как себя ведут?

Представьте, стоят – она, как была, маленькая и толстенькая, все та же тетя Хиба, вовсе не похожая на изящных американок из журналов. А ее муж, дядя Стасик, как был говорун, так ничуть и не изменился. И болтают они так же громко, как у нас принято в Кабарде. Даже платье на ней цветастое, точно, как в Нальчике носят. Какие же они американцы?! По-русски говорят чисто, без всякого акцента. И, как выяснилось, к окончательному моему разочарованию, по-английски они и вовсе ни бум-бум! По дороге домой заблудились, так как Стасик не мог читать дорожные указатели. Оказалось, Стасик понадеялся на маму (она учительница английского языка), а мама, попав в реальную жизнь, не смогла быстро сориентироваться, тем более что на трассах замедлять движение запрещается.

* * *

Самое первое впечатление, как только выехали на улицу, – будто попали на другую планету. Все такое странное, причудливое и таких размеров... Если это и не другая планета, а наша Земля, то, как минимум, на один полный век вперед по времени. Природы, к которой я так привыкла, живя в Нальчике, и в помине не было. Какие-то гигантские сооружения, мощные конструкции, мосты. Автомобилей в таком количестве не видела, само собой, но теперь, когда увидела – не могла воспринять. Зрение не вмещало, что ли. Все каменное, металлическое, гигантских объемов, все говорило о баснословной цивилизации, на которую здесь никто и внимания не обращал. Вот человек в стеклянной будке выпил воду и выбросил стаканчик в мусор. Я бы этот стаканчик в Союз послала как сувенир – друзьям. Там бы это была сенсация.

Но приехали в Бруклин, здесь все больше жилые дома, двухэтажные, пятиэтажные. С облегчением замечаю на улице дерево (узнаю планету Земля!). Проехали еще немного – еще дерево.

Дома у тети Хибы был накрыт стол. Квартира у них совершенно обычная, никакая не вилла. Единственно, я заметила, как тетя Хиба, вымыв руки, вытерла их полотенцем и выбросила полотенце в мусор.

– Одноразовое! – с улыбкой сказала она, заметив мой взгляд. – Стирать не нужно. Использовал и выбросил.

Дети тети Хибы, две девочки и один мальчик, все были младше меня. Они смотрели на нас так, будто из местного зоопарка зверей привезли. Вот они-то по-русски говорили плохо.

Сели за стол пить за успех в новой стране.

– Вставай, брат! – сказал дядя Стасик папе. – Торжественная минута! Где твои часы?

– Часы! Да, часы! – запричитали все за столом.

– На моих часах – восемь часов... вечера? – сконфуженно сказал папа.

– Нет, это на их (!) европейских часах – восемь часов вечера, – весело перебил дядя Стасик. – А наши, американские, часы сейчас пробьют полдень. Это теперь наше и ваше время! Вставай! Это самая торжественная минута, надо всем налить, приготовьте шампанское!

С торжественным видом оглядев всех нас, папа встал и медленно, как будто он совершал священный ритуал, поднес руку к часам. На минутку он остановился, прищурил глаза и, глядя куда-то вдаль, произнес: «Как долго я ждал этого момента!».

В застывшей тишине стрелки часов круто поползли вперед почти на пол-оборота. Мы все дружно зааплодировали. Налили пенящегося шампанского. К сожалению, мы не могли так

же круто перевести стрелки в наших не спавших более суток утомленных организмах, чтобы они совпали с ритмом страны, которая должна была стать родной.

Удивляло, что и то, и другое время было верное. Восемь вечера было верно для Союза, двенадцать дня было верно для Америки. А объективно, по-настоящему – который же теперь час?

Если цикл в 24 часа рассматривать как полный оборот – в 360 градусов, то расхождение во времени на восемь часов равно 120 градусам. Не могут две цифры, расходясь на 120 градусов, быть одновременно верными. Но ведь так и было! Я была сконфужена.

* * *

Не успели выпить по первому бокалу, как дядя Стасик снова всем налил. Встал, чтобы сказать тост.

– Отец! – обратился он к дедушке. – Я хочу поднять этот бокал за вас! За вас и вашу верную подругу жизни! За ваш... я бы даже сказал, героический поступок... В вашем возрасте, столько лет прожив на одной земле, имея тот почет, то уважение в городе... да-да, я знаю, как вас там все уважали... оставить все ради счастья детей... приехать к нам...

Я смотрела на сгорбленную фигурку своего седого деда, сидящего, как и всегда, рядом с бабой, и мне показалось, что в них что-то изменилось: они как будто оба слегка сжались, стали как-то меньше в размере.

Опрокинув рюмку залпом (сам дядя Стас пил водочку) и звучно огненно выдохнув, Стас обратился к отцу.

– Ну, брат, теперь рассказывай, – торжественно произнес он, будто теперь речь шла о чем-то драматически важном, и оба знают, о чем, без слов.

Лицо отца помрачнело.

– Ну, что рассказывать... – начал он. – Затравили они меня, конечно, здорово. Сил у меня больше ни на что не осталось, – папины глаза прищурились и забегали. – Пять лет воевал! Пять лет. Устал. Не хочу уж и вспоминать, и говорить об этом. Главное... Главное, что мы здесь наконец.

Все вокруг захохали, запричитали: «Бедный, как он поседел! Шутка ли, пять лет воевать с властями, чтобы выехать!»

– Все теперь для этих двоих детей, – продолжал папа, указывая на меня и Таньку. – Хоть они пусть увидят счастливую, спокойную жизнь. И за нас, и за себя поживут.

Тетя Хиба и дядя Стас стали наперебой утешать папу:

– Вы устройтесь. Ты еще молодой. Инженера здесь во как живут! А ты – доктор наук! Шутка ли?

Мама, полушепотом, наклонившись к Хибе:

– Переводы его научных трудов Союз ведь и в Америку тоже продал. В десять стран продали!

– В десять стран мои переводы продали, а мне – шиш с маком! Я на сухой зарплате, пятьсот рублей в месяц. Оно, конечно, фантастическая зарплата, когда все вокруг получают сто. Но ведь все воруют. А если не воровать, то что такое пятьсот рублей? Модное пальто для дочери стоит тысячу. Я двадцать лет в университете честно трудился. Что тут скрывать теперь, ну вот, как перед Богом: за жизнь ни одной взятки не взял. И в институт в Москве поступал, и кандидатскую защищал, и докторскую – все сам, честным, кропотливым трудом. А тут, понимаешь ли, сопляк, простите за выражение, пройдоха с наглещой да со связями явился не запылится. Без году неделя – смотришь, он уже завкафедрой. А я двадцать лет полз в рядовых и до смерти бы рядовым остался. Потому что я не хапуга. Порядочному человеку в той стране нет места.

Не хочу я даже вспоминать все это. Моя-то жизнь уже все. Вся эта эмиграция – ради будущего моих двух девочек. Пусть хоть они по-человечески, достойно свою жизнь проживут...

– А ты, малышка, что, скучаешь по России, я слышал? – обратился ко мне дядя Стасик. – Не грусти-и-и! Забудешь ты свою забитую Россию! Все скучают поначалу.

– Да боже мой, за чем там скучать? – строго возразила тетя Хиба. – За километровыми очередями?

Все засмеялись.

– Или ты давно слово «жид» не слышала? Не наша это страна и забудь ее, – продолжала тетя Хиба.

– А что, Америка – еврейская страна? – робко возразила я.

– Ты знаешь, сколько евреев проживает в одном только Бруклине? Знаешь?

– Ну так что? В Союзе тоже полно евреев!

– Да, но там ты должна скрывать и стыдиться, что ты еврейка. Здесь, в Америке, быть евреем – это гордость! Там нельзя ни спокойно верить в Бога, ни следовать традициям своего народа, ни вольно думать. Все дороги закрыты. Ты бы ведь никогда в институт не поступила.

– Она еще в Москве собиралась поступать! – ухмыльнулся папа.

– В Москве?! – в один голос воскликнули тетя Хиба и дядя Стасик. – Ты что? Забудь про Москву!

– Да? А почему мой папа в Москве учился? Даже диссертацию в Москве защитил! – ядовито и вместе с тем боязливо возразила я. – Маша тоже, когда вышла замуж, в Москву учиться перевелась. Мама моя вуз закончила. И, кстати, дедушка всю жизнь посещал синагогу! В Нальчике все евреи, которые хотели, ходили в синагогу.

Несмотря на мой достаточно боязливый отпор, на меня тут же посыпались возражения со всех сторон.

– Это только на Кавказе более-менее можно было ходить в синагогу! Пожила бы ты где-нибудь в центральной России или в других городах!

– Странные вы люди, но мы же жили на Кавказе! Какое вам дело до того, что в других городах? Вы-то могли ходить в синагогу!

– А тебе не противно, что во всей стране евреев преследуют?

– Я что-то этого не почувствовала!

– А тебе сколько лет от роду?

– Достаточно, я уже не маленькая.

– Когда твой папа учился в Москве, были другие времена, к тому же он такой усидчивый, у него редчайшая голова!

Папа, махнув рукой, попросил всех поменять тему, так как считал, что разговор со мной в пользу бедных.

– Оставьте ее, все равно ее не переубедишь! – сказал он.

– Всю жизнь бы работала там за сто рублей! – не унималась тетя Хиба.

– Да нет же! Ей деньги не нужны! – отвечал за меня папа. – Деньги – это мещанство! Она будет там творить искусство!

– Искусство?! – со злобной иронией повторил дядя Стас. – Писать хочешь? Думаешь, опубликуют тебя? Твои идеи должны быть партийными. Там же все фильмы про колхоз или про великого Ленина.

– Неправда! – уж это точно, я знала, было не так.

– Да что с ней говорить! – повторил папа. – Вы ее все равно не переубедите. Оставьте ее!

– Тебе же пятнадцать лет! У тебя самый что ни есть лучший возраст, чтобы эмигрировать. Ты язык быстро освоишь. Молодые быстро адаптируются. А с языком здесь тебе такие дороги откроются, о которых в Союзе даже мечтать нельзя было! Просто ты еще не видела жизнь в Союзе, поэтому ты ту страну поэтизируешь.

Мама (хватаясь за сердце и закатывая в ужасе глаза): «Ой!!! О-о-ой!!! О-о-о-ой!!! Ой, какой кошмар! О-о-ой!»

Тетя Хиба (продолжая трясти головой, близко наклонившись к маме): «Пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш-пш».

Мама (прикрывая рот руками, тараща возмущенные глаза): «Ой! Ой, какой ужас! Ой, какой тихий ужас! Ой! Ой! Ой!!!...»

И так полтора часа. В результате этого рассказа, впоследствии, всякий раз, когда я собиралась выйти из дома одна, мама ложилась на цементный пол подъезда, прямо перед дверями нашей квартиры, и говорила:

– Только через мой труп!

Я была моложе и проворней – перепрыгивала через нее и убегала, куда ей за мной угнаться! Я жестокая? А запирать человека в тюрьме – не жестоко? Что мне оставалось делать? Приносить в жертву свою жизнь, чтобы не быть жестокой? Нечего ложиться поперек моей дороги. Не нравится Америка, нечего было сюда ехать.

Нужно признаться, что какая-то доля правды в предупреждениях тети Хибы все-таки была. Это насчет мальчиков. В Нальчике, на Кавказе, нравы были очень строгие. Девушкам не позволялось не то что встречаться с парнями, но даже если тебя увидит кто-нибудь, как ты просто стоишь на улице, разговаривая с молодым человеком (разумеется, если он не твой брат, родственник или сын друга семьи), то об этом тут же узнавал весь город и к такой девушке не присылали сватов. Дикие законы. А что было делать... Справиться с целым городом я не могла. Вела себя как хорошая девочка. Иначе замуж никто бы не взял. Здесь же, в Нью-Йорке, никто никого не знал и знать не хотел, да и ничего зазорного в том, что девушка может познакомиться с парнем сама, без сватов, американцы, как и все цивилизованное человечество, не видели. Когда человека всю жизнь держат взаперти, а потом вдруг выпускают на волю, такая перемена сильно бьет ему в голову.

Помню, как я впервые оказалась у газетного киоска, где традиционно развешивают порножурналы с предельно откровенными позами на обложках. У меня просто ноги отнялись от такой обезоруживающей открытости. А вокруг все двигается, кишит, как ни в чем не бывало. На улицах повсюду парочки, парочки. Некоторые просто ходят в обнимку. На каждом шагу, то здесь, то там, какая-нибудь парочка так засасывается на глазах у всех, что потом несколько недель пьяной ходишь. Всем нормальным людям это все по фигуре, это только я такая дикая и голодная, потому что меня всю жизнь на цепи держали и к мальчикам приближаться не позволяли. Не родители, а кавказские нравы. С родителями справиться не составляет никакого труда. Главное – общество.

Оказавшись в Америке, я действительно почувствовала свободу в этом отношении. Нью-Йорк – не Нальчик. А любовь – главный смысл жизни, наверное, любой девочки. Это не значит, что я собралась на радостях стать какой-нибудь «легкого поведения» или что-нибудь такое недостойное сделать. Я просто была рада, что смогу здесь осуществить такую естественную и прекрасную мечту, как встретить Любовь. Это же ужас, когда к тебе присылают сватов и ты должна выйти или не выйти замуж за человека, которого ты ни разу не видела вблизи, с которым ты ни разу не говорила наедине, которого ты практически совсем не знаешь. Если бы мы не эмигрировали, я бы обязательно уехала в Москву сразу после окончания школы. Кто собирался это терпеть? В Нью-Йорке от одной мысли о возможности цивилизованно выйти замуж во мне все поет. Я найду его сама. Что в этом плохого?

Дома все переполошились: нельзя знакомиться неизвестно с кем на улице! А у меня в Америке, кроме тети Хибы и дяди Стасика, все «неизвестно кто». За кого же я выйду замуж, если не пробовать знакомиться с чужими, – за тетю Хибу?

* * *

Первый мальчик, с которым я познакомилась на улице, оказался израильтянином. Он говорил по-английски с сильным акцентом, но я понимала его.

– Я живу вот здесь, видишь этот дом? – сказал он мне, улыбаясь и ласково глядя на меня. – Хочешь зайти ко мне в гости? Послушаем музыку вместе.

Хоть я и понимала то элементарное, что он говорил, серьезной беседы с человеком, не говорящим по-русски, я знала, быть не может. Зато ничто так много не скажет о человеке, как его квартира, музыка, которую он слушает. Мы вошли к нему в дом, и не успела я сказать «а», как передо мной стоял отвратительный монстр со спущенными штанами, который быстро теребил свой склизкий поганый обрубок, приговаривая:

– О беби, ай вонт ю! О-о! О-о-о!!!

Я окаменела.

Хотя я и сгорала от нетерпения попробовать все то запрещенное, что может происходить между мужчиной и женщиной, это животное, с искаженным лицом паралитично трясущее передо мной свой тухлый гриб, ничего, кроме брезгливого отвращения, во мне не вызывало. Я сделала невольный шаг назад. Он, тяжело дыша и все повторяя: «Ай вонт ю, беби», – двинулся на меня еще агрессивнее. Я почувствовала, что попала в ловушку. Тогда я тронула его за плечо и шепотом проговорила:

– Клоуз йор айз, беби! Ай вонт то гив ю сюрпрайз.

– Сюрпра-а-йз?!! – обрадовалось животное, и изо рта у него потекли слюни, а обрубок стал еще более склизким.

– Закрой глаза, сосчитай до трех... и тогда... Тогда-а-а...

Я пыталась сообразить, сколько секунд или шагов отделяет меня от двери, пока он стоял с закрытыми глазами. И так же резко, как он, прежде чем он успел сказать «а», рванула к выходу. Он запутался в собственных штанах, не успел схватить меня.

После этого случая я стала поосторожнее. Познакомилась с молодым человеком, а он, оказывается, поляк. Что-то мне американцы не попадают. Поляк, так поляк. Поляк – не проблема, я для всех открыта. Главное, что за личность. Однако больше в гости я не ходок. Зашли в кафе, заказали коку, и так просто, как ни в чем не бывало, он опустил свою элегантную руку на мое колено. Через 15 минут после того, как он меня впервые в жизни увидел! Только что сидел передо мной такой обаятельный длинноволосый парень, вмиг превратился в скелет трупа. Как на плакате: «Осторожно: опасно!» – череп и две кости крест-накрест.

* * *

Дядя Стасик как-то говорил, что здесь есть газета для русскоязычных эмигрантов: «Русская жизнь». Однажды он купил и принес ее нам. Сколько объявлений было в этой газете! Даже, представьте себе, такое: «Очень одинокий молодой человек познакомится с девушкой». Я таких объявлений в жизни не видела ни в Нальчике, ни в Москве. А в Москве я бывала много раз, там живет моя сестра Маша. Она мне двоюродная, но мы как родные. Несколько лет назад она вышла замуж за москвича и уехала в столицу.

А что? Почему бы не ответить ему? Я тоже очень одинока. По газете, пожалуй, лучше знакомиться, а то на улице мне только больные попадают.

По телефону мой новый знакомый звучал вполне прилично. Мы встретились. Он был ростом чуть более метра. Карлик – не карлик. Горбун, может быть. Я не знаю, как такие больные называются. Он поздоровался со мной, улыбнулся, и мне открылся ряд металлических

вставных зубов. Я, конечно, виду не подала, но обалдела. Гуляла с ним четыре часа, чтоб его не обидеть. Тем более, что на мой вопрос: «Почему ты уехал из Союза?» он ответил так:

– Я уехал от несправедливости!

Разве справедливо отталкивать человека только потому, что у него физическое увечье? Он не виноват в этом. У него, может быть, замечательная душа. Меня мучили угрызения совести. А он все четыре часа рассказывал о том, как все и вся в Союзе несправедливо относились к нему, как он устал от этой несправедливости.

Был еще один молодой человек: с ним я познакомилась на курсах английского языка в «Наяне».²

Он сказал мне, что он единственный из всех его друзей, кто согласился бы со мной встречаться, несмотря на то что я девственница. Вот это заявление! Он великодушно простит мне такой порок. И как он вообще узнал, что я девственница?! У меня что, на лбу написано? Неужели это так сразу видно? Нетушки! Раз я столько лет берегла честь и достоинство, я не хочу дарить их тому, кто этого даже не оценит. Я поищу того, для кого девственница – это достоинство.

Вот недоделок! Оказывается, и такие бывают. А мама мне всю жизнь так уверенно твердила: недевственницей ты никому не нужна, используют тебя и выкинут. В Нальчике так и было: старшая сестра моей подруги Тани имела глупость переспать с любимым человеком (они долго тайно встречались). Он переспал с ней и бросил. А она осталась с ребенком одна, опозоренная. Я дружила со всеми тремя сестрами и знаю точно: они не были «гулящими», классные девчонки. В других частях огромной Страны Советов, как видно, все было по-другому. Оказывается, есть и такие, для кого девственница – недостаток!

* * *

Мы сняли квартиру.

Увидели бы эту квартиру наши родственники из Союза! Сразу бы в обморок упали и вмиг излечились от Америки. Ужас! Сажу за решеткой в темнице сырой! Две комнатки, известь осыпается на каждом шагу, окна выходят в глухой колодец, мыши, тараканы и мусоропровод с нами дверь в дверь. После нашего большого и уютного дома в эту «квартиру» противно даже войти. Тюремная камера, ни дать ни взять: мрачная, темная, вонючая. Не могу поверить, что мы теперь здесь будем жить.

– Это самый лучший район Бруклина! – сказал нам дядя Стасик. – Дешевле трудно найти.

Как оказалось, в шестиэтажном доме, где мы поселились, живет много наших эмигрантов. В первый же день, когда мы перевозили багаж, они подходили, приветствовали нас в лобби.³ Как видно, приезд еще одной «русской» (так они здесь называли эмигрантов из Союза) семьи был в их жизни событием.

На поиски квартиры и переселение ушло довольно много времени.

Оформления, оформления, оформления – им не было конца. После того как оформили аренду квартиры, надо было устроить Таньку в школу. За углом находилось здание, похожее на тюрьму, это и была местная школа. Старикам нужно было оформлять пенсии, медицинские страховки. Нас с предками надо было записать на курсы английского, чтобы хоть немного, хоть для минимального общения улучшить свой язык. И все это одновременно.

Нужно было где-то раздобыть шесть кроватей и хотя бы один стол, чтобы как-то жить первое время. Кто-то в семье должен был срочно найти какую-нибудь работу, так как еврейская организация «Наяна» помогала не более трех-четырёх месяцев. Спасибо и за это, иначе,

² NYANA – еврейская организация, помогающая эмигрантам из СССР.

³ ...в холле, от англ. lobby – вестибюль.

даже пока мы сообразили бы, как передвигаться в этом гигантском городе, просто умерли бы с голоду.

Научиться ориентироваться и не теряться каждый раз, выходя из дома, первые месяцы было чуть ли не основным делом жизни. Если надо было поехать куда-то, то это на целый день. Мало того, что в этом городе не было дороги короче, чем на пару часов, для нас эта пара превращалась в шесть часов. Я не могла совершить ни одной поездки, не потерявшись несколько раз на пути туда и несколько раз на пути обратно.

Как оказалось, русские эмигранты в Нью-Йорке – явление привычное.

– В любой синагоге, – рассказывала нам тетя Хиба, – имеется подвал-хранилище, куда зажиточные американцы сдают одежду, посуду, столы, стулья, постели – словом, все, что по какой-то причине им уже не нужно, но вполне еще пригодно для употребления и может оказать большую помощь новоприбывшим в первое, трудное для них время.

– В этом нет ничего зазорного. Все с этого начинали, – эти фразы мы слышали по пять раз в день. – Америка страна эмигрантов. Самые зажиточные американцы когда-то тоже, как вы, приехали с узелками в руках.

Хоть нам и казалось, что мы взяли с собой из Союза все предметы первой необходимости, сняв квартиру и начав жить, мы обнаружили, что не привезли и сотой доли всего необходимого, а привезти все было просто-напросто невозможно.

Объездив с помощью дяди Стасика все ближайшие синагоги, кое-как нашли несколько стульев, два матраца. Стулья были хоть и не очень чистые, но вполне пригодные. Матрацы же с виду были так, ничего, но как только их принесли в дом, по всей квартире пуще прежнего замелькали шустренькие, противненькие, фасолеобразные букашки.

– Это тараканы, – пояснила тетя Хиба со вздохом. – Тараканы – бич Нью-Йорка. Борись с ними, не борись – они в каждой квартире есть. У всех.

Первое слово, которое мы выучили в Нью-Йорке по-английски, это «*кокроуч*» – «таракан». А еще, его веселую русско-испанскую вариацию – «кукарачча».

Вошел дядя Стасик, счастливый, довольный.

– Та-ак! Одевайтесь, быстренько! Я здесь поездил вокруг. На Авеню Пи кто-то кровать выставил в гарбич. Они так специально выставляют на улицу, а *гарбичмены* специально не забирают, зная, что кто-нибудь да подберет.

– А кто это такие, «гарбичмены»? – не поняли мы.

– Вы не знаете, кто такие гарбичмены?! Мусорщики! «Гарбич» – по-английски – мусор!

– Так что, надо поехать забрать? – неуверенно спросил папа.

– А что, смотреть на нее что ли? – засмеялся дядя Стасик. – Широкая, двуспальная, первое время на ней можно и втроем уместиться. А если сейчас не заберем, завтра среда, мусорщики могут забрать. Эти же слюнтяи... им лень в синагогу отвозить, они и выставляют на улице. Несколько дней не подымет никто – мусорщики увозят. Новые, хорошие вещи, вот вы сейчас увидите.

* * *

Поход в супермаркет занимал полдня. Продавщицы нет, спросить не у кого. Полки, заставленные продуктами, каждая – километр длиной. Полки целый аэродром. Яркие шикарные коробочки, пакетики, баночки... Поди разберись, что там. Спросили, где сыр, нам показали. Все сорта и виды сыров, которые есть в мире, были здесь, в местном супермаркете. Попробуй пойми, какой сыр тебе нужен. Купили что попало, чисто по картинкам. Дома открыли банки, чтобы пообедать, но вошел дядя Стасик и покотился со смеху.

– Вы... вы... – говорил он, помирая со смеху, – собачьи консервы купили...

Мы переглянулись недоумевая.

– Консервы для собак! – пояснил дядя Стасик и снова скрутился.

Мы все еще не могли понять, что существуют «консервы для собак». Собаки, что, люди? Консервы – для людей. А собакам – кости.

* * *

Сегодня дядя Стасик привез нас на Брайтон-Бич.

– Вы не знаете, что такое Брайтон? – удивился он. – Это маленький Союз, или, точнее, это маленькая Одесса. Здесь живут в основном русские эмигранты, а так как большинство из них одесситы, Брайтон называют «маленькой Одессой». Здесь самые лучшие русские магазины. Вот вы сейчас увидите!

Мы вошли в магазин. Ощущение такое, будто я попала в волшебное царство, где абстрактное выражение «мед и молоко льются рекой» превратилось в явь. Здесь было все-все, о чем только можно мечтать, и даже то, о чем не мечтали. Уж насколько я презираю удовольствие смачно пожрать, и то не могла оторвать восхищенных глаз от батареи аппетитно выстроенных бесчисленных сортов колбас. Копченые, вареные, телячьи, говяжьи, салями французские, салями немецкие, салями итальянские, буженина, польская колбаса, краяна, чесночная, докторская – всяческая! Живописно оформленные сорта рыбы: копченая, вяленая, маринованная. Балык, красная рыба, осетрина.

– Ну что? Вкусно кушать – это же мещанство?! – блестя глазами от радости, подмигнул мне папа, заметив, что я глотаю слюнки.

Я на минуту оглянулась вокруг, искала глазами наших. Мама с раскрытым ртом смотрела по сторонам, и глаза ее блестели от восторга.

– Смотри, Танечка! Бананы! Смотри их сколько! Посмотри, какой виноград!

Дед, взяв бабу под руку, прохаживаясь, более сдержанно, чем мама, приговаривал: «А какие хлеба благородные! Пышные, царские!»

– Пять, шесть, семь... восемь сортов! – сказал папа.

– И все как куколка! Как дома испеченные, – добавила бабушка.

– А в отделе тортов вы побывали? – спросил папа оживленно. – Киевский торт! В Америке, представляете? Конфеты «Белочка», «Птичье молоко»!

– Ой, посмотрите, посмотрите туда! – перебила его мама.

Молодая продавщица перекладывала гигантской ложкой красную икру из одного сосуда в другой с таким же спокойным лицом, с каким в сказках по телевизору купцы высыпают из мешков груды золотых монет.

Буквально через пять минут я уже была голодна как зверь. Я не знала, чего хотеть и что покупать: хотелось попробовать все, что я видела. Вот это Брайтон-Бич!

У выхода из магазина две женщины громко спорили:

– Да пойми ты, деревня, правильно говорить «дыс!», – говорила одна.

– От деревни слышу, ты сама деревня! Кто же так произносит? «Дыс!» – передразнила вторая. – Да не «дыс», а «зыс»!

– А давай на доллар поспорим с тобой! Ты проиграешь! «Зыс» – не говорят! Это грубейшее, деревенское произношение.

– Ага... А «дыс» – говорят?! Ну, ты сумасшедшая! Спорим на три доллара!

– Девчонки, как правильно произнести по-английски: «дыс» или «зыс»? – обратились в конце концов обе женщины к продавщицам.

Продавщицы говорили каждая свое: одна утверждала, что правильно «зыс», вторая утверждала, что правильно «дыс»! Третья говорила, что и то и другое неправильно, а надо говорить «выс!»... Поднялся базар, и в это время мы ушли из магазина.

* * *

Помню свои первые впечатления от витрин американских магазинов, помню щекочущее ощущение тщеславия перед воображаемыми друзьями в Союзе, которое я испытывала впервые, стоя у застекленных богатых витрин. Меня распирало желание охапками забрать все с этих витрин, подчистую, и послать в Союз. Представляю, сколько шума это бы там наделало.

* * *

День нашего первого визита в «Наяну». Вся семья, от мала до велика, в первый раз выехала в Манхэттен. Все нарядные, заинтригованные. В первый раз мы увидели сабвэй – так здесь называют метро. В Москве, в Ленинграде я видела метро: с мраморными полами, с расписными потолками, каждая станция – как музей. Все безукоризненно чисто – ни окурка, ни соринки. В Нью-Йорке, как вы думаете, хуже или лучше?

Вонючий подвал. Смесь всех оттенков серого и черного цветов. Запах сырости перемешан с запахом мочи. Лужи, плевки, огрызки яблок, гнилые продукты... Оскорбление человеческого достоинства. Пощечина. Омерзение. Вот – нью-йоркское метро. Такое средство передвижения – для скота, не для уважающих себя двуногих.

Ни в метро, ни в городе – ни одного американца. Китайцы, корейцы, индусы, негры, арабы, если где промелькнет белое лицо – русский эмигрант. Где американцы?

– А американцы – это и есть эмигранты, – пояснил папа.

Заблудились, естественно. Встали кучкой посреди улицы.

– Эскюз ми! Эскюз ми! – махал рукой папа пролетающим прохожим, кротко улыбаясь и покашливая.

Папа выговаривал все это так долго, что прохожие успевали услышать только одну букву из всего, что он говорил.

Наконец кто-то остановился. Женщина с сумкой и в очках. Мы все ее окружили, опасаясь, как бы и она не улетела.

– Наяна... Наяна... – повторял папа.

– На-на? – проглотила американка.

– Нэяана, нэяана, – поправила мама.

– На-на, на-на, – утвердительно закивала американка, глотая и коверкая звуки.

Она подняла указательный палец, посмотрела сквозь свои суровые очки вправо и залпом проглотила целый поток предложений с важной для нас информацией.

– М-м-м... пардон аз, вуд ю репит, плиз, – мягко улыбаясь, попросил отец.

Американка опять равнодушно и быстро, одним залпом проглотила, вероятно, тот же набор предложений, но еще раз повторить отец ее не попросил.

– Вы что-нибудь поняли? – спросил он нас с мамой, после того как она улетела.

– Кажется, улица, которая нам нужна, – Фортостит, – неуверенно сказала я.

– Мне тоже так показалось, – сказала мама, – но у меня есть адрес, там нет такой улицы. «Найана» находится на Четырнадцатой стрит, а «четырнадцать» – это «фотин». Как же быть?

Решили, что это ошибка. Снова стали ловить прохожих: сжимаясь в размере, задавать вопросы, растягивая уши, ловить ответы.

– Фортостит, – подтвердили и другие.

Нашли еле-еле. Оказалось, «фортостит» и «фотин стрит» – это одно и то же. Американцы, как выяснилось, выговаривают «ар», но при этом глотают другие слоги. Вот как просто все на самом деле было. А мы, как дебилы, искали «фортостит».

* * *

В «Наяне» наша ведущая миссис Померанец, приветливо скаля зубы, каждому из нас пожала руку, даже Таньке.

– Со, хау ар ю? – спросила Померанец Таньку.

– Скажи «файн»! Скажи «о'кей», – шептали мы, но Танька только краснела и краснела, пока мы не перестали обращать на нее внимание.

В кабинете речь миссис Померанец стала абсолютно нечленораздельной: один сплошной журчащий, бурлящий поток.

Мы сидели как вкопанные, безуспешно стараясь поймать неуловимое.

Миссис Померанец снисходительно показала зубы еще раз и привела переводчика. Тот объяснил, что папе предлагалась работа слесаря, но это только на первое время. А мне, тоже только на первое время, работа в магазине.

– Я не хочу терять время зря, – сказала я.

– Во-первых, в этом году ты уже все равно опоздала в колледж, – сказал мне папа, – во-вторых, ты попробуешь, что такое работать, как взрослая, в Америке, – заработаешь кучу долларов! Представляешь себе, ты заработаешь доллары! Ты даже сможешь заработать себе на автомобиль!

– Да нужен мне ваш автомобиль! Я могу и в автобусе ездить. Не буду я тратить драгоценное время на ерунду!

– Это очень престижный большой магазин в Манхэттене, – добавила Померанец. – Кто-то должен начать работать.

– Ну, только не больше чем на месяц! – нехотя согласилась я.

Для папы решили искать более подходящую ему работу.

– Хотя бы чертежником, – говорил он. – Это будет, по крайней мере, то, что я умею делать.

– Слесарем!!! Человек за свою жизнь ничего тяжелее авторучки в руках не держал! – усмехнулась мама.

– Ты всегда пытаешься меня унижить! – начал багроветь папа. – Да, не слесарь я. В этом ты видишь мой недостаток? Я не забивал гвозди и не умею держать молоток, но я защитил кандидатскую и докторскую! Мои труды опубликованы более чем в десяти странах мира, а для моей жены я все не хорош, потому что я не умею забивать гвозди!..

– Тихо, тихо, позор какой! – зашикали старики, недовольно косясь на маму. – Зачем ты сейчас завела его? Ты не могла не съязвить?

– Я ничего такого не сказала! Мне просто смешно, что они ему предлагают.

* * *

– А улыбка-то у нее странная, – заметила мама, когда мы вышли. – Вы видели, как они здесь улыбаются? О! – мама оскалила зубы и сделала гримасу.

– Да, действительно, – согласились все.

Когда мы вернулись домой, бабушка открыла кастрюлю с супом и отпрыгнула с криком. Мы все сбежались: в кастрюле лежал, лапками кверху, огромный налитой дохлый таракан. Никто из нас пока не мог привыкнуть к этим тараканам.

Вечером мама пошла мыться в душ и из ванной донесся вопль, а затем звуки тяжелых ударов о стены, дверь, пол. Она залезла под душ, а из мочалки таракан – как понесется прямо по ее голому телу! На себе его прихлопнуть трудно, пищала так, что мертвых бы разбудила, пока его скинула. Потом все-таки тапочкой его прибила.

* * *

Дед зашел в туалет и выскочил оттуда как ужаленный. Нам он не хотел говорить, но потом мы от бабушки узнали: он увидел в унитазе в своей моче кровь.

– Шестьдесят лет живу на свете и не видела, чтобы человек писел с кровью! – озабоченно говорила бабушка на нашем горско-еврейском языке, который один и знала в совершенстве. – Что же это может быть такое?..

– Надо бы показать его врачу, – сказала мама тоже по-горски. Они всегда говорили на этом языке, когда говорили о чем-то важном.

Мама в прошлом медработник, имела два образования: фельдшера-акушера и педагога.

– Когда будет «медикейд»?⁴ – спросил папа. – Померанец сказала, что нам скоро дадут всем медстраховку... Когда же это «скоро»?

* * *

Моя первая работа в жизни – в большом универмаге «Сен-чюри Твенти Уан», в даунтауне. Станция метро Кортленд-стрит. Два часа дороги туда, два обратно. Думаете, продавцом? Не-а! Даже не помощником продавца. Работа истуканом. Это я ей такое название дала, так как заключалась она в том, чтобы стоять на одном месте по стойке смирно до помутнения в глазах и ничего (!) не делать.

Впрочем, какие-то обязанности у меня все-таки были: иногда, когда в отдел заходили покупатели, а продавщица уходила на ланч, я должна была развесить по местам все, что разворошил посетитель. Это был отдел женского белья. Все трусики висели в одном месте, все лифчики – в другом, и т. д. Вот так стоишь себе на одном месте, пока перед глазами синие круги не пойдут или какая-нибудь нога не задеревенеет. Зачем это им надо людей мучить? Зачем они меня здесь поставили? Я объяснить покупателю ничего не могу, да и не требуется этого. Поставили меня, только чтобы помучить.

А американки, оказывается, сущие свиньи! Пустить американку в отдел – все равно что посадить свинью за стол. Сколько там трусиков на вешалках висит, она все их сдернет, размеры перепутает и, не купив ничего, с довольным видом пойдет в другой отдел.

Просить их убрать за собой строго запрещалось. Даже нельзя было выказывать недовольство. Они все переворачивают, а ты им улыбайся! Так бы и убила этих гадюк синтетических! Трусики розовые – все в одну кучу. Бежевые – в другую. Черненькие – в третью. Беленькие – в четвертую... Все по вешалочкам, один к другому, аккуратненько. Не успею я еще закончить, как является очередная «чушка» и в один миг переворачивает то, что я уже битый час раскладывала.

Все мои одноклассники уже поступили кто куда, учатся на первом курсе университетов, институтов, а я здесь трусики сортирую. Как-то раз вижу: одна из посетительниц смотрит трусики и кладет их на место, смотрит другие – опять на место. Я от удивления подошла к ней вплотную и смотрю на нее во все глаза. А она мне на чистом русском языке говорит: «Недавно приехали?»

Наверное, дело здесь не просто в культуре, а в том, что у каждой советской женщины рефлекс, как у собаки Павлова: она настолько боится, что продавщица агрессивно обрушится на нее, что готова не только за собой прибрать, но и уложить то, что другие раскидали. Мы разговорились с Ритой: интересов общих не оказалось. Рита тоже работала в этом магазине,

⁴ Государственная медицинская страховка для малоимущих.

только в обувном отделе на первом этаже. Работала она давно, так что ее уже повесили в продащицы. Предложила познакомить меня с поэтом из Москвы.

– Он у нас в бэйсменте пока грузчиком работает. Его зовут Леня. Но ты же знаешь, здесь все первое время грузчиками работают, это ничего не значит.

– В бэйсменте? – переспросила я, не поняв незнакомого слова.

Рита засмеялась.

– «Бэйсмент» – это подвал. На складе в подвале он работает, здесь, в нашем магазине.

Вот все, что было на моей первой работе, если не считать минимальной по американским понятиям, но заоблачной по нашим, советским, меркам зарплаты: четыре доллара в час. Четыре доллара – это громадные деньги! Но целый час быть истуканом, огромный час – тупости, час – ряби в глазах, час – потерянный из жизни! Стоил ли он даже таких больших денег, как четыре доллара?

* * *

Однажды я задала папе вопрос. Ради какого великого будущего мы опустили на самое дно жизни? Ради чего все эти, пусть даже временные, но вычеркнутые из жизни тяжелые месяцы, а то и годы? Ради чего мы бросили огромный дом с садом, где у каждого была своя комната, у папы – свой кабинет, личная библиотека, еще одна библиотека внизу, большая гостиная, прекрасная виноградная беседка, балкон и терраса? Ради каких таких благ в будущем мы теперь жили вшестером в двух комнатах, спали вдвоем или втроем на одной кровати, подобранной на гарбиче, да еще с тараканами?

Зачем папе понадобилось бросать работу преподавателя в Кабардино-Балкарском университете и, унижаясь, умолять о работе чертежника, но не слесаря, только не слесаря?

Зачем я, вместо того чтобы учиться теперь на первом курсе МГУ или ВГИКа, стояла здесь, собирая трусики, которые перемешивали избалованные американки? Ответ: «Да не поступила бы ты никогда!» – был для меня не убедителен. Я-то знала, что поступила бы.

Что такое должно было произойти в будущем, что окупило бы весь тот кошмар, в который мы попали? Я не издевалась, я действительно не понимала!

Папа же принял мой тихий, спокойный вопрос за издевку и, что совершенно для него нехарактерно, раскричался так, что брызги изо рта летели.

– Ну и уезжай в свой Союз обратно! Такие, как ты, павлики морозовы⁵ не заслуживают хорошего! Вы неблагодарные свиньи! Я никого не заставлял сюда ехать! Очень жаль, что ты там не пожила!

– А где же, по-твоему, я жила? – удивилась я.

– Ты жила у отца за пазухой!

Я, может быть, и жила, как он говорил, у него «за пазухой», но все же я жила там, в той стране. У меня было нормальное достойное детство и вполне осмысленная юность. Я выросла в той стране, сформировалась там и ко времени отъезда соображала уже достаточно, чтобы теперь задавать вопросы.

Я не понимала, ради чего я должна была неизвестно сколько времени жить в маразме. Я готова была допустить, что в силу молодости я чего-то не успела понять, готова была выслушать объяснение. Когда же на мои вопросы вместо убедительных логических ответов я слышала озлобленный крик и оскорбления, то начинала догадываться, что мой отец совершил неопишную, непростительную ошибку!

Однако, понимая это, что я могла изменить? Уехать обратно? Действительно, перед отъездом из Союза родители предложили мне, если хочу, остаться. Вот это-то предложение как

⁵ Павлик Морозов – пионер-герой, в годы коллективизации предавший своего отца.

раз и было издевательским, хотя они уверяют, что искренне предлагали. Дело вовсе не в том, что мне было 15 лет и я бы не смогла прожить сама, без взрослых. Мне могут не верить, но я-то знаю: я бы не пропала.

Причина была в другом. В свои 15 лет, так же как и в 14, и в 13, и в 12, и вообще, сколько я себя помню, больше всего на свете я любила свою маму. До сих пор я не знала в жизни ничего, ради чего я бы могла отречься от мамы. Ничего! Так же сильно и нежно я любила и своих стариков – дедушку и бабушку, да и самого папу, пока он не заболел Америкой, одержимый своей безумной мечтой. Америка убила всю мою нежность к нему, осталось одно раздражение.

Я не могла представить своей жизни даже без одного из них, не то что без всех сразу. Ничто не могло компенсировать такую потерю. В 1980 году уехать за границу означало умереть для всех тех, кто оставался в Союзе. Я понимала, что, однажды разлучившись с ними, я больше никогда их не увижу. Я не могла пойти на такое. Я не могла похоронить их всех одновременно.

Но точно так же сильно, как я любила свою маму и свою семью, я любила и свою страну, и свою культуру. Я любила дом, в котором прошло мое детство, улицу, на которой мы играли детьми и росли с подругами; я любила стены своей школы, многих своих учительниц, киоск на углу, неподалеку от дома, тетю Надю, Эмкину маму, которая в этом киоске работала (Эмка – моя ближайшая подруга); я любила железную дорогу, расположенную за школой, убегающую змейкой в большую жизнь. Я знала историю своей страны, я любила ее писателей, поэтов, артистов, режиссеров...

Уехать из своей страны, быть навсегда оторванной от всего, что в ней происходит, было все равно, что умереть. Уезжать я не просто не хотела: это было гораздо серьезнее, чем хочу – не хочу, я понимала, что означало для меня «уехать».

Я не могла выбрать. Не выбрать – это уже само по себе, оказывается, выбор. Я уехала со всеми, так как не проявила никакой инициативы, чтобы остаться.

* * *

Путь эмигрантов из СССР в 1980-е годы пролегал сначала через Австрию и Италию, а по истечении трех-четырех месяцев эмигранты прибывали в США.

Позже, в Италии, я тысячу раз благодарила судьбу за то, что не осталась. Мамочка, моя мамуля, наверное, не перенесла бы такого удара. Она интеллигентный человек: когда прощались со всеми в Бресте, вела себя сдержанно, без выкрутасов, без истерик и падений в обморок.

Так же сдержанно вели себя и все остальные. До Бреста нас провожали только самые близкие: мамина мама – бабуля Маня, мамин родной брат, дядя Борис, родная сестра моего папы и единственная дочь дедушки с бабушкой – тетя Валя – и две родные сестры моей бабушки. У каждого оставался в Союзе кто-то родной.

Как сейчас помню их лица, бледно-серые, потерянные. Все понимали, что никогда больше не увидятся. Это тикали последние минуты вместе. Старались держать себя в руках, не расстраивать друг друга слезами и причитаниями. Как-то даже не верилось, не укладывалось в голове, что сейчас пройдем эти железные ворота – и там как отрубят разом все эти родные до боли, бледные лица, все, что было до сих пор, все близкое, до истерики близкое. Не мо-о-о-жет бы-ы-ы-ть!!!

Прошло чуть более месяца (мы в это время были в Италии), и мама попала в больницу. Никаких признаков болезни – вдруг упала на улице, и я увидела, что самый дорогой человек, который у меня есть на свете, моя мама, умирает! Я по-итальянски – ни слова. То есть те слова, что я знала, типа «миля», «лира», здесь не помогали. Где госпиталь – не знаю, какой номер «скорой» – не знаю, что делать – не знаю!

Маму спасли. Только чего мне это стоило – сама чуть не умерла от страха. А если бы меня там не было? Старики вообще – ни бум-бум, Танька – малышка, а папа, он, пока один палец поднимет, земля полный оборот вокруг своей оси сделает. Я сориентировалась, бегом туда, бегом сюда, забыв всякий стыд, стучалась в двери к незнакомым, жестами, истерическим криком, по-русски объясняя итальянцам, что человек умирает. В госпиталь отвезли, даже переводчик русский нашелся: это, говорят, на нервной почве. Было у нее нервное потрясение? Было ли! Половину своей семьи заживо похоронить, мать-старушку бросить... Мама не могла себе этого простить.

А что она могла сделать? Она должна была отречься или от матери с братом или от одной из дочерей с мужем. А если бы в последний момент еще и я осталась?

Глава вторая

Декабрь 1980 г. – февраль 1981 г.

Когда мне было 10 лет, это было в 1975 году, папа спросил меня, не хочу ли я поехать в Америку. Он пообещал, что в Америке я увижу «Битлов», а еще он мне купит автомобиль «Шевроле».

Когда мне было 10 лет, этого хватило, чтобы я охотно согласилась ехать с папой. Тогда он сказал маме: одна дочь тебе, одна мне. Не хочешь ехать – развод! Услышав это, мама, которая раньше наотрез отказывалась, сразу же согласилась ехать с папой в Америку. Папа подал заявление на выезд, но ему отказали.

Отказывали ему ни много ни мало пять лет. Когда же его наконец отпустили, дав на выезд 30 дней, мне было уже 15 лет, и я была уже совсем не тем ребенком, который готов был ехать в Америку за автомобилем «Шевроле». Прошло всего пять лет, но за это время ребенок превратился в сформировавшегося человека. А на выезд дано было 30 дней!

Уже давно все забыли о папиной затее с отъездом, только папа все неутомимо хлопотал, пока не добился своего.

Вот теперь я в Америке. И никто не может мне объяснить, ради чего все это.

* * *

Пока нам дали медикейд, прошел месяц. Пока сообразили и вычислили, к какому врачу и куда вести деда, прошло еще недели две. Наконец провели обследование: у нашего деда, оказывается, рак. Лечить можно, но, кажется, уже поздно. Похоже, что поезд ушел.

В Италии он три месяца купался, загорал, грелся на песке. Солнце активизирует рост раковых опухолей. А мы-то не знали! Может быть, и стресс добавил свое. Дедушка не попал в больницу сразу, как мама, на нервной почве, а, возможно, схлопотал себе рак. Я знала: так же, как мама переживала разлуку со своими матерью и братом, дедушка переживал, что оставил в Союзе любимую дочь.

Папа не признавал ни влияния стресса, ни влияния итальянского солнца. Он считал, что если человеку суждено заболеть, то это случится, где бы он ни был – в Италии или в Нальчике. В Америке больным открыто говорят, что им недолго осталось жить. У нас в Союзе это не принято.

– Доктор, пожалуйста, не говорите ему!

Кто знает, в какой именно день и час спасти деда стало невозможно. Я уверена: если бы мы сразу, не откладывая, обратились к врачу, нам бы удалось его спасти! Конечно, если бы мы знали, насколько серьезно было то, что в моче кровь, мы бы и в Америке любой ценой нашли путь немедленно обследовать деда. Но мы были все обалдевшие, пришибленные, с заторможенными реакциями. Мы с трудом функционировали в новом мире. Пойти к врачу у нас заняло около двух месяцев. Оказалось, этого срока достаточно, чтобы потерять человека.

Вас не удивляет, как холодно, как рассудительно я говорю о смерти одного из самых дорогих мне людей?

Дед умрет... а я спокойно об этом рассуждаю?

Что со мной? Как удивительно я спокойна. Может быть, я не верю? У меня просто в голове не укладывается, что мой любимый старик, мой седой дедушка, пропахший моим детством и сигаретным дымом, умрет.

* * *

Почти во всех письмах, разговорах, всегда, когда упоминали об эмиграции, предупреждали, что первое время будет, конечно, тяжело. Понимали мы все и сами, что это не шутка, взять и переселиться на другой континент. Тоска по дому, по родным, переживания, слезы – все это ожидалось и воспринималось спокойно. Но ничего этого не произошло. А произошло совсем, совсем неожиданное.

Слез не было. Тоски не было. Не было вообще никаких эмоций. Словно в нью-йоркском аэропорту во время регистрации виз кто-то невидимый проделал над всеми нами хирургическую операцию: вырезал тот важнейший, неизвестный еще людям орган, благодаря которому люди что-то чувствуют, шприцом вытянул из нас все слезы и прижег навсегда их источник.

«Органами чувств» называют те органы, которые обеспечивают человеку возможность видеть, слышать, обонять, осязать, чувствовать вкус. Оказывается, люди поспешили, назвав их «органами чувств».

Вот, к примеру, я узнала, что деду жить осталось недолго. Я не оглохла, я слышала, о чем говорили домашние тайком от самого деда, я понимала значение слов. Но то, что я слышала, в меня не проникало. Должна была быть реакция, я помнила это из своей прошлой жизни, а реакции не было.

Вот еще пример попроще: пошел дождь. В старой жизни каждое движение природы, каждый запах вызывали целую вереницу разных эмоций. Эти эмоции, эти реакции, как я теперь начинала понимать, и составляли жизнь.

Человек, живущий у себя на родине, в естественной обстановке, даже не может себе представить, каким богатством звуков, шорохов, запахов, ассоциаций... наполнен один, самый простой, самый неприметный день его жизни. Оценить это он сможет, лишь попав в эмиграцию, потеряв это все, а затем, пережив заново забытые ощущения во сне...

Опавший лист, вид простого дерева, запах хлеба, вкус молока, вид подоконника, запах кресла, ощущение школьной парты, мела в руке... Миллионы, миллионы разных ощущений, реакций, эмоций за день.

Зрение мое продолжало функционировать: я видела. Поврежден был другой орган, посредством которого я воспринимала все, что я видела. Повреждено было нечто жизненно важное, без чего ни зрение, ни слух, ни обоняние, ни осязание – сами по себе не имели значения. Этот неизвестный пока науке орган был основной мощной машиной, ответственной за усвоение информации, которую зрительные или слуховые рецепторы лишь как посредники ему передавали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.